

ИВАН ЕЛАГИН

ИВАН ЕЛАГИН

СТИХИ

*ОБЛОЖКА И РИСУНКИ
РАБОТЫ С.А.ГОЛМЕРБАХА*

Книга отпечатана в собственной
типографии издательства
VICTOR KAMKIN INC.
Rockville, Md. 20852.
U.S.A.

Моему сыну

Серёже

Сурово и важно
Ветки скрипят на весу.
Как деревьям не страшно
Ночью одним в лесу?

Балится тучи темная башня,
А им не страшно!

Птица ночная крикнет протяжно,
А им не страшно!

Ветром они опарашены,
А им не страшно!

Только вздохнут тяжело,
Да месяц блеснет - стекляшка,
Словно смахнет слезу.

Как деревьям не страшно
Ночью, одним, в лесу?

А может - не в силах сдвинуться,
И потому стоят, не бегут.
А я вот живу в гостинице,
А зачем - понять не могу.

Гостиница многоэтажна,
И мне в гостинице страшно.

Кругом какие-то темные пашни -
Страшно!

Заревом красным окно закрашено -
Страшно!

И чего я мытарюсь?
Пойду к нотариусу,
Постучу в дверь его.
Войду и скажу:

- Я хочу быть деревом!

Я хочу, чтобы было заверено,
Что такой-то, такой-то - дерево,
И отказался от человеческих прав.

В зелень себя разубрав,
Он теперь стоит у ручья
На страже.

И ему по ночам
Не страшно.

ОТВЕТ

Попробуйте меня от века
оторвать!

О. Мандельштам

Насмешливый голоо
По телефонному
Проводу.

И все по тому же
Неугомонному
Поводу.

Стихи сочиняете?
Стали поэтом горластым.
Стихи начинаете
Всяким ненужным балластом.

Рычанья растративши,
В горле мозоли натерши,
Хрипит ваша муза -
Ораторша
И резонерша!

И локти притиснув,
Кидается в самую давку,
Торгуется с жизнью,
Стучит кулаком по прилавку!

Хрипи - не хрипи,
А чем дальше - тем хуже и хуже.
Поэзия - то, что внутри,
А не то, что снаружи!

- Мой враг телефонный!
Я все это слышал частенько.
Хотите, чтоб я умиленно
И тенькал и тренькал?

Мне этого мало!
Поэт не рождается, чтобы
Копаться в анналах
Своей драгоценной особы.

Я здесь.
Я со всеми.
С моею судьбою земною.
Снаряд баллистический - время
Свистит надо мною!

И что мои ахи
И охи,
И все мои вздохи
В обвале и крахе
И грохоте целой эпохи?

Меня не отделишь
От времени. С ним не рассоришь!
Я сын его гульбищ и зрелищ,
Побойщ и сборищ!

Я сын его торжищ
И гноищ, позорищ и пиршеств!
Меня не отторгнешь
От времени. С мясом не вырвешь!

Ракеты, очерясь,
Хрипят в межпланетных просторах,
А вы мне про шопот, про шелест,
Про лепет, про шорох?!

Лечу вышиною
Стремительно, губельно, круто -
И стих для меня - вытяжное
Кольцо парашюта.

Пробивают в асфальте дыру
И сажают в нее деревцо,
Чтоб шумело оно на ветру
И кидало мне листья в лицо.

И окно пробивают в стене,
Чтобы вставшая из-за моста
До рассвета качалась в окне
Голубая большая звезда.

Видно так на земле повелось, -
У художника та же судьба:
Пробивают нам душу насквозь,
Чтоб запела душа как труба.

Птица бьет изо всех своих сил
Против ветра упрямым крылом.
Бог вселенную всю проломил,
Чтобы небо поставить в пролом.

Марianne Сапроновой

Море упранивало: "Папа, Папа..."
Но Папа должно-быть ушла домой,
И море, целую ночь не спавшее,
Разрыдалось белой-белой каймой.

А в море, у берега, или
Камни большие-большие.

Там чайки хакивали
И купальщккк.
Девочки пляжные,
Пляжные мальчккк.

И по буграм каменнстым
Звякало море моннстом.

Когда гроза ломала шпакк
На сцене грозно-показной,
Я ставил птчку на бумаге.
Бог ставил чайку над волной.

На луне ни звука,
Ни шороха.
На луне ни друга,
Ни ворога,

Ни бурьяна,
Ни чертополоха.
Как нирвана -
Ни стона, ни вдоха.

Только тишь,
Только тени-громадины,
Только камень-голыш
Да впадины.

Небо смерклось.
Студеным мраком
Обложило со всех сторон.
Членистоногою раскорякой
Сел на поверхность
Луны
Аполлон.

Сел и выставил глаз-конус
На лунную оголенность.

На луне всегда как перед бурей,
На луне всегда как пред грозой,
Ни травинки,
Только бурый, бурый
Шлак,
Древнее, чем палеозой.

Даже воздух кажется массивным.
На луне всегда как перед ливнем.

Только все на луне неизбежно.
Все застыло, и сдвинуть нельзя.
Не бывает ни бури, ни грома, ни ливня,
Ни грозы, ни дождя.

Только душный сияющий чад,
И в чаду этом душном стучат
И звучат
Небывалым концертом,
Сонатой Аппассионатой,
Сердце с сердцем -
Сердца астронавтов.

Ты, земля, пролетаешь во мраке,
Звезд блестит над тобой пыльца.
На тебе точно красные маки
Расцветают сердца.

Ты сердца, как букеты,
На другие бросаешь планеты.

И своими сердцами
Миры наделя
Как дарами,
Твои дети, земля,
Играют шарами-мирами.

СО ДНА

Сергею Бонгарту

За день выкало, уморило.
Шторы наглухо! Дверь замкну!
Погружается субмарина
В океанскую глубину.

Люк завинчивай впритирку,
Закрывай иллюминаторы,
Я забьюсь в свою квартирку,
Как на дно упрятанный.

На житейскую поверхность
Перископ не выставлю,
Ослепительно низвергнусь
В темень аметистовую.

Я нашел себе страну,
Ту, что научилась
Погружаться в глубину,
Точно Наутилус.

И пускай в подводном иле,
Отдаваясь гулами,
Шастают автомобили
Темными акулами,

И кидаются в меня
Световыми сваями, -
Комнатушечка-броня,
Ты непробиваема!

Ты непробиваема,
Ты неуязвима!
И акулы стаями
Проплывают мимо.

Мне не надо ЛСД
Или кокаина.
Я ночую на звезде
Из аквамарина.

Жил на пятом этаже,
Да уплыл с квартирой,
И на дне морском уже
Я фосфоресцирую!

Я плыву подводной спальнею,
И до утренней зари
На поверхность социальную
Я пускаю пузыри.

А ученый дяденька,
Чистенький и гладенький,
Где-то в кабинетике
В дебрях кибернетики.

У приборов топчется
Бородатый агнец,
И больному обществу
Ставит он диагноз.

"В наш период атомный
Для лечения сердца -
Говорит он - надобны
Взрывчатые средства!
Этим человечество
Сразу же излечится!
Людам в наши времена
Помогает дивно
Туча, ежели она
Радиоактивна!
Приходите все погреться
В золотых лучах прогресса!"

Он как петрушка площадной
Выскакивает над страной.

И, шупленький и сухонький,
С морщинками на личике,
Он сам себе на кухоньке
Поджаривает блинчики.

Но хоть позить он любит вкусно,
Хоть любит чай с вареньем он, -
Как современное искусство
Почти что он развоплощен.

Почти прозрачен,
Совсем спрессован,
Он не иначе
Как нарисован.

Но взрывы так красноречивы,
Что вое кругом потрясено,
И до меня доходят взрывы
На аметистовое дно.

Я знаю: вселенная где-то изогнута,
И Бог по вселенной гуляет инкогнито.

А тут человек, непонятный как призрак,
Швыряется взрывами в огненных брызгах!

И я убегаю побегом волчьей
И прячусь за всей океанской толщей.

Ночной темнотой укрыт как щитом,
Я выдумка тоже. Я тоже фантом.

Я тоже нелепица, дикость, абстракт,
И снюсь я кому-то сквозь лунный смарагд.

И я, уходящий все глубже и дальше,
И тот - на поверхности жизни - взрывальщик -

Далеким потомкам в столетье ином -
Покажемся оба чудовищным сном.

Но те, для кого я - отрезанный ломоть,
Я знаю: меня захотят они вспомнить.

Моим одиночеством темным звеня,
Как груз потонувший подымут меня.

Вы говорите, якобы
Поэты одинаковы.

Попробуйте всмотреться -
По-разному отмечены:
Тот пишет кровью сердца,
А этот - желчью печени.

Кто пишет потом, кто слезой,
Кто половую железой.

Один, как бас-профундо,
Гудит на вас простудно.
Другой берет одни верхи
Нежнейшим колокольчиком,
А я, мой друг, пишу стихи
Глазного нерва кончиком.

А что мне делать с красотой,
В мои глаза накиданной?
С такой крутой, такой литой,
С такою неожиданной?

ГИМН ЦЕНЗОРУ

Цензор!
Ты надо мной как Цезарь.
Я грезил,
А ты резал!

Режь меня
Грешного!
Не печалься -
Ты же начальство!

Ты - единственный
Из земных детей,
Знающий истину
Во всей ее полноте.

Поэт со стихом носится!
Радуется - сочинил!
Но у тебя ножницы
И бочка красных чернил!

Ты,
Преданный
До глубины души
Своей эпохе,
Тебе ведомо,
Какме стихи хороши,
Какме плохи.

Ты даже
На вздохи ветра
Накладываешь вето!

Мерой твоей мерим!
Курс на тебя берется!
Ты облечен доверием
Мудрого руководства!

Целовал я дамочку
(С каждым может случиться)
И в подколенную ямочку,
И в ключицу!..

Но ты,
С наokoкy
Ринувшийся в баталию,
Крикнул:
Целуй в щеку!
Руку кладь на талию!

И сразу же я, опомнясь,
Провозгласил скромность!

Нравлюся мне
Вольный стих,
Непроизвольный стих!
Но ты закричал:
Никаких вольностей!
И я стих!

Обещаю
Не быть неряхой,
Резать строки
Ровно, как сельдерей!
Да здравствует
Амфибрахий,
Анапест,
Дактиль,
Хорей!

Я буду
Бряцать лирой,
А ты -
Меня контролируй!

Ты укажи поэту,
Что подлежит запрету,
И сообщи заодно,
Что славить разрешено.

Ты,
Кто мудр и непогрешим,
Светом своим
Осени нас.
А мы
Стихи писать поспешим
Распивочно
И навечно.

В тяжелых звездах ночь идет,
И город в новый снег наряжен.
И вот уже минувший год
Как нож по рукоятку всажен!

Встречаю годы как ножи.
Да здравствует семидесятый!
На звездах, ночь, поворожи
И с новым лезвием сосватай!

Уже к ножу питая нежность,
Уже собой не дорожа,
Я пью за остроту и свежесть,
За дружбу розы и ножа.

Обернемся на минуту,
Прошрое подстережем.
Рубят голову кому-то
Гильотиною-ножом,

И в кого-то с исступленьем
Загоняют штык насквозь -
Чтоб грядущим поколениям
Очень счастливо жилось.

Так во имя светлых далей,
Под всемирный визг и рев,
В море Черное кидали
Офицеров с крейсеров.

А теперь мы время сплющим,
В день сегодняшний войдя:
Поколением грядущим
Вдруг оказываюсь я.

И выходит, как ни странно, -
Все стряслось из-за меня:
Трупов целые монбланы
И великая резня.

Шли крошечной чередою
Эти черные дела,
Чтобы жизнь моя звездою
Небывалой расцвела,

Чтобы стал мой жребий светел,
Чтобы мне удач не счесть!
Может быть, я не заметил?
Может, так оно и есть?!..

ГИМН ЦЕНЗУРЕ

А.И. Солженицыну

Ошметки Жданова
И Семичастного
Сидят, и планово
Шипят, начальствуя.

Как соблазнительно
Пойти с рогатиной
На Солженицына
В поход карательный!

Куски выхватывай!
Погром устраивай!
И у Ахматовой,
И у Цветаевой!

Рассказ ли Зощенко,
Статья ль Некрасова, -
Единым росчерком
Пассаж выбрасывай!

Побольше плоского,
Поменьше резкого,
Режь Заболоцкого
И Вознесенского!

Тут обязательный
Уполномоченный
И на писателя
Топор отточенный!

У Достоевского
Дневник оттяпан,
Ничем не брезгают
Герои кляпа.

Они конклавом
Стоят суровым,
Как волкодавы,
Над Гумилевым.

Тут столько вбухано
Труда казенного
На Солоухина
И на Аксенова,

На Винокурова
И Евтушенко -
Эй, не придуривай,
А стой в шеренге!

Чтоб не протаскивать
Им слова броского -
Упечь Синявского!
Приструнить Бродского!

Ах, Окуджава
И Ахмадулина!
Тут ваша слава
Подкараулена!

Тут над горячим
Российским словом
Главлит с подъячим
Средневековым,

Главлит с чинушей
Кувшиннорылым,
Главлит тянувший
Полвека жилы!

Пускай на свете
Ты первый гений, -
Тебя просветят
Как на рентгене!

Казенных строчек
Сидит подрядчик,
Сидит начетчик
И аппаратчик,

А сам он смыслит
В делах искусства
Как коромысло
Или лангуста!

Перед партийной
Халтурой плоской
Благоговеющей
Влияет москвой.

А с Мандельштамом
И Пастернаком
Под стать упрямым
Цепным собакам.

Здесь от бездарной
Цензуры вздорной
Воняет псарней
И живодерней!

Я прыгнул из окна,
Но не сорвался вниз,
А в воздухе повис,
Как радиоволна.

А в комнате остались
Часы и календарь.
Там тень моя, состарюсь,
Глядит в окно как встарь.

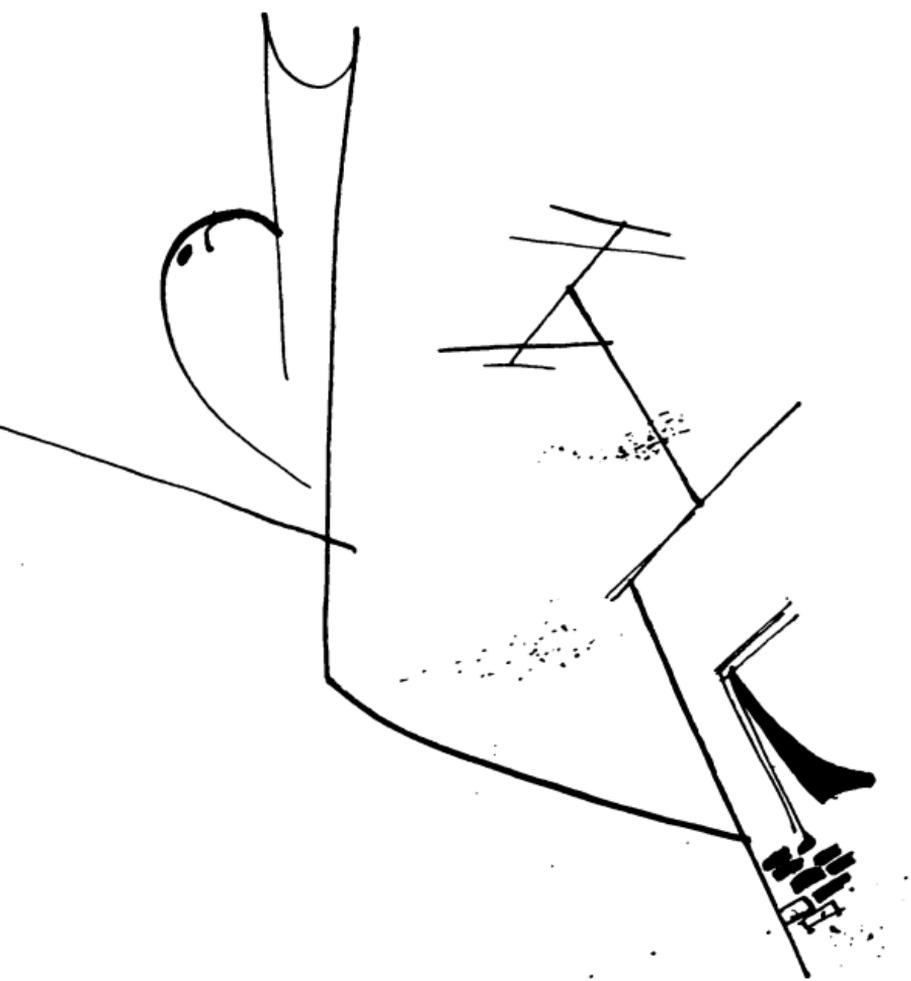
А я вверху, в вечернем
Сиреневом дымке,
А я в четырехмерном
Воздушном гамаке

Плыву как астероид,
Сиянием дразня.
Вы можете настроить
Приемник на меня.

Я - звездный зазывала.
Скользя по облакам,
Я шлю мои сигналы
Таким же чужакам,

Мечтателям, поэтам,
Захватчикам высот,
Кто сам себе планета
И свет в себе несет,

Кто не в ладах с причалом,
Кто кружит одиноком
По кривизнам печальным
Возвышенных дорог.

Я стою под березой двадцатого века.
Это времени самая верная вежа.

Посмотри - на меня надвигаются ветки
Исступленнее, чем в девятнадцатом веке.

Надо мною свистят они так ошалело,
Будто шумно береза меня пожалела,

Словно знает береза: настала пора
Для берез и поэтов - пора топора.

Словно знает береза, что хребтй наш черен,
Оттого что обох нас рубят под корень,

Оттого что в камнях пылают дрова,
Оттого что на минах взрывают слова.

Я стою - и тоски не могу побороть я,
Надо мною свистят золотые лохмотья.

Вместе с ветками, руки к потомку тяну я,
Я пошлю ему грамоту берестяную.

И правдиво расскажет сухая кора
Про меня, про березу, про взмах топора.

**Мы далеки от трагичности:
Самая страшная бойня
Названа культом личности -
Скромно. Благопристойно.**

**Блекнут газетные вырезки.
Мертвые спят непробудно.
Только на сцене шекспировской
Кровь отмывается трудно.**

Всем и каждому у нас одна дорожка,
Жизнь устроена как русская матрешка.

Все едино - правит хамство или барство,
Сверху грубая матрешка государства.

А попробуй приоткрыть ее немножко -
В ней торчит национальная матрешка,

А внутри ее лежит - как ты ни цыцкай! -
Пеленашечка матрешки большевицкой!

Но и это - только ложная обложка,
В ней культуры нашей вложена матрешка.

Открываешь - удивляешься сверх меры -
В ней матрешка православной нашей веры,

А потом пойдут сниматься как одежды
Родовые и семейные матрешки,

И в какой-нибудь матрешке двадцать пятой
Я покачиваюсь голый и мохнатый.

Надо всем и каждому
Иметь такую скважину,
Чтобы, развертывая оперенье,
Прыгать в четвертое измеренье!
Чтобы из мертвого одуренья
Прыгать в четвертое измеренье!
Чтобы из чертова столпотворенья
Прыгать в четвертое измеренье!

На окамейке без подстилки
Спишь, свернувшись коlobком,
И порожние бутылки
У скамьи стоят рядком.

Ангел в синем вицмундире
Наклонился над плечом.
Он с дубинкой в этом мире,
Как он в мире том с мечом.

Он заявит строгим тоном,
Наказанием грозя,
Что, оглашено всем законам,
На окамейке спать нельзя.

И пойдешь ты, ковыляя,
Под деревьями в тени.
Так изгнание из рая
Промсходит в наши дни.

Брошу в церковь динамит,
Стану сразу знаменит!

Десять лучших адвокатов
Защитят меня в суде,
Все концы умело спрятав
В мутнорозовой воде.

Сам судья, простив заранее,
Улыбнется нежно мне,
Расплавясь, как блин в сметане,
В благодушной седине.

Я в числе сограждан видных -
Интервью за интервью;
Я о планах динамитных
С увлеченьем говорю!

От моей лохматой хари
Телевизоры в угаре!

С грандиознейших афиш
Я показываю шиш!

Так и лезут все из кожи
Напечатать мой портрет!
Я украсил наглой рожей
Тьму журналов и газет.

Мне восторженные дамы
Присылают телеграммы
С предложеньями любви!

Показания мои
Голливудский воротила
Закупает все сполна,

Чтобы фильмы накрутила
Голливудская шпана.

Как меня освободят -
Будет в честь мою парад!

Я на радостях подкину
В ясли адскую машину!

Бомбу брошу в детский сад!

Лидии Шаляпиной

На проспекте сносят дом.
Старый дом идет на слом.

Сокрушая непрестанно
Дома пыльное нутро,
Стенобитного тарана
Свищет в воздухе ядро.
Оседают, грохоча,
Пирамиды кирпича.

Обнажается проем,
Где сидели мы вдвоем
За обеденным столом.
Все на слом идет, на слом.

Вот и нет окна уже
На четвертом этаже,
Освещенного луной,
С папиросою ночной,
С переливчатым стеклом.
Все на слом идет, на слом.

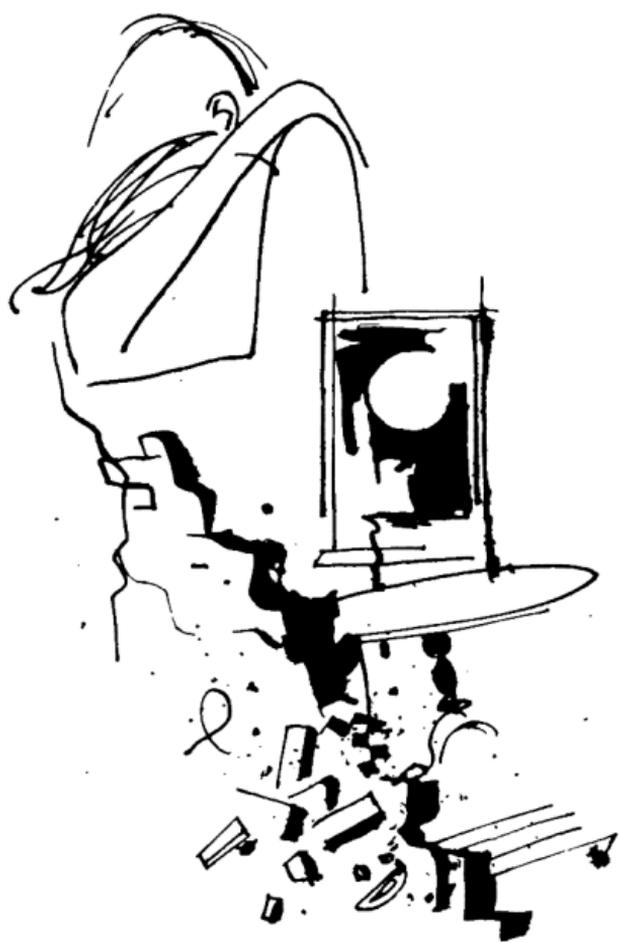
Только сердце непременно
Хочет все на старый лад -
Там, где выломлены стены,
Люди в воздухе висят.

Люди ходят, люди курят
В высоте и в пустоте,
А на самой верхотуре
Позабылись двое те,
Будто плавают в воде,
Иль подвешены к звезде.

И становится мне страшно
Этой выси голубой,
Где качаюсь я вчерашний
Над сегодняшним собой.

Где-то там, вверху, в проломах,
Я остался в прошлых днях,
Я запутался в объемах,
Я застрял во временах.

Это сердце дни и ночи
Глухо хлопает крылом
И минувшего не хочет
Ничего отдать на слом,
И из сил последних самых
Подымает надо мной
Из руин воздушный замок,
Там, где рухнул дом земной.

СОВРЕМЕННАЯ БАЛЛАДА

Завязка баллады моей коротка:
В лифте злодей удушил старика.

Лунным сиянием взмылен,
Кричал романтический фильм.

Вернее, была витрина
И чуцело фильма пыльное, дымнолохматое
Средь рухляди всякой старинной.
Сиянье неоновой трубки голубоватое, матовое.

Крики. Семетки.
Луна-маскировщица.
И толпа на куски
Растерзала злодея у лавки старьевщика.

... Кусок окровавленный
Уволок сверхпрославленный
Фильмовой постановщик,
Поставщик поноховщины!

А ногу отгрыз хореограф.
Он даже от радости плакал.
Из дел, исключительно мокрых,
Он ставил балетный спектакль!

А прозак кровью налился,
Человечины налопался, -
Влез путем психоанализа
В суть злодеевокого комплекса!

И кусок в полпуда весом
Драматург урвал для пьесы!

Вместо старых действий
(Для чего считать их?)
Пьеса в трех убийствах
И в шести кроватях.

Тема-то какая!
"Кокаин и Каин".

Вгрызались в мешко пунцовое,
Над трупом чуть не подрались,
И вот последним кость берцовую
В зубах уносят журналист!

Но ни в одной строке
Ни слова о старике.

В свете современности
И научных книг
Не представляет ценности
Удушенный старик!

А ему того и надо,
Раз баллада, так баллада,
И ко всем этим сволочам
Он является по ночам.

Подберется тихо сзади
И огреет по крестцу!
Разрешается в балладе
Развлекаться мертвецу.

Проходил я через зал, через зал.
Я поет и фантазер, фантазер.
Подшел я к режиссеру и сказал:
- Уходи и не мешай мне, режиссер!

Только знаю - не уйдет, не уйдет.
Он стоит и говорит, говорит:
- Лучше руку ты вытягивай вперед,
Принимай-ка поторжественнее вид!

Сколько раз мне повторять, повторять:
Мне не нужен твой урок, твой урок.
Но мне слышится опять и опять
Режиссерский говорок, говорок:

- В этом месте нажимай, нажимай!
Все нажима не проймешь, не проймешь!
Я послушался - хватил через край,
И стихи я загубил ни за грош!

Пусть у каждого дорога своя,
Дайте каждому полет и простор!
Отвякись ты, отвякись от меня,
Не мешай мне, не мешай, режиссер!

Но он где-то возле стен, возле стен
Продолжает тарыхтеть, тарыхтеть,
И в квадратик его мизансцен
Попадаю я как перепел в сеть.

Был когда-то я удач-разудач,
По колено были все мне моря,
Но я чувствую, что куклою стал,
Кто-то дергает за нитку меня.

В один голос недрузья и друзья
Утешают: "Ничего, ничего,
В том и выразилась драма твоя,
Что игралась в постановке его!..."

Т. и А. Фесенко

Чучелом в огороде
Стою, набитый трухой.
Я - человек в переводе,
И перевод плохой.

Сколько я раз, бывало,
Сам себе повторял:
- Ближе к оригиналу!
А где он, оригинал?

Оригинал видали, -
Свидетели говорят, -
В Киеве на вокзале,
Десятилетия назад.

Кругом грохотал повальный
Артиллерийский гул.
В зеркале вокзальном
Оригинал потонул.

Ворошить не хочется
Давние дела.
Наспех судьба-переводчица
Перевела-наврала.

Я живу на расстоянии
От страны моей студеной.
Я живу - на заикание
С языка переведенный.

И живу я в переводе
С неустройства на уют.
У меня на стол по моде
Со свечами подают.

И внутри моей машины
Мягкие сидения.
Я переведен на шины
С пешего хождения.

Без особого урона
Мой испуг переведен
С лозунгового жаргона
На рекламный жаргон.

Точно бред политбесед,
Распродаж ажиотаж!
Пунцовею, разогрет,
В пот меня кидает аж!

В оригинале - откровенье,
А в переводе - подражанье,
В оригинале - вдохновенье,
А в переводе - прилежанье!

В оригинале - на восходе,
И на закате - в переводе!

И по прямой - в оригинале,
А в переводе - по спирали!

И я волшебник по природе,
А литератор - в переводе,

В оригинале я - на взводе,
Навеселе в оригинале,
А на режиме в переводе,
И переводу до вина ли?

Скользгло время еле слышным,
А стало звонче междометья.
В оригинале - двадцать с лишним,
А в переводе - полстолетья!

У ПАМЯТНИКА МАЯКОВСКОМУ

Стих отгремел последний -
И над Россией
Стоит он -
Двадцатидвухлетний,
Стоит красивый!
Стоит бронзовый,
Стоит каменный,
И небо над ним
Розовой хранимой!

Был бы памятник, а найдутся
Голуби и вольнодумцы!

Руки в карманы сунувши,
Глаза подымая вверх,
Читают сердитые юноши
Стихи про атомный век,
Про атомный, про урановый
Читают, сердца протаранивая!

Гневные, запальчивые
Девочки и мальчики
Выходят как на подмостки,
А сверху над головой
Памятник-Маяковский
Слушает как живой.

От стихов в столетья атомном
С ног диктаторы не валятся,
Но когда-то и на мамонтов
Выходили люди с палицей!

Клыкастых мамонтов
Косматые массивы -
Кому они ныне памятли?
А люди и ныне живы!

Девочки в скромном ситчике,
В открытых рубашках мальчики -
Вот они, - динамитчики,
Перовские, Кибальчичи.

Восторженные девчата,
Поэты неряшливые -
Вот - взрывчатка
Самая страшная!

В кабинетах и президиумах
Облысевшие держиморды -
Видимо-вас-невидимо
Расселось балластом мертвым!

А солнце проглядывает,
Рассвет дымит!
Это под вас подкладывают
Мальчики - динамит!

ГРИНВИЧ ВИЛИДЖ, 1970

Ходят парни, увешаны бляхами.
Ходят девки в штанах раструбом.
И на шеях болтаются, брякая,
Амулеты с акульим зубом.

Грозные лица пророков,
Лица марий магдалин.
Но в сердцах не шумит у них вереск долин,
А гремит
Динамит
И пироксилин.

Эх! Поднять бы на воздух
Купол со знаменем в звездах!

Эх! Разнести бы в куски
Все от доски до доски!

Чтобы в зареве багряном
Зубья высились руин.

ЛСД.

Марихуана.

Кокаин.

И героин.

А у папенок, а у маменек
По десять домов каменных!

В банках тыщи,
Порядок заведенный,
И океаны скучищи
За каждой тарелкой обеденной.

И на папаш
Дети глядят брезгливо:
Дескать, родитель наш
Пышно созрел для взрыва.

Папашу на бочку пороховую,
Да запалить фитиль!
И сразу же Синюю птицу живую
Поймают Тильтиль и Митиль.

Я в жизнь прославляю веру -
Жить не разравилось мне.
Подыскиваю пещеру
На солнечной стороне.

После великого взрыва
Великим пойдем путем:
И колесо, и огниво
Снова изобретем.

Занавеска над ванной как парус,
А я в ванне сижу и купаюсь.

Я блаженствую, я разомлел.
Моя очередь жить на земле.

Я купаюсь, я мылюсь, я парюсь,
Надо мной занавеска как парус.

Я смотрю, как искристая пена
Угасает на мне постепенно,

Уплывает в парах моя ванна
С занавескою из целофана,

Уплывает средь пара и плеска
Целофановая занавеска.

Я блаженствую, я разомлел.
Моя очередь жить на земле.

Моя очередь спать и проснуться,
Пить чай из цветастого блюда.

Я свой собственный важный посол,
Уплывающий в мыльный рассол,

Я министр без штанов и портфеля,
Простофиля и пустомеля,

Моя очередь жить нараспашку,
Нализаться в веселой компашке,

Чтоб в звенящем, блестящем бокале
Далматинские звезды мигали,

Чтоб луна мне казалась гримасы
(Занавеска звенит из пластмассы).

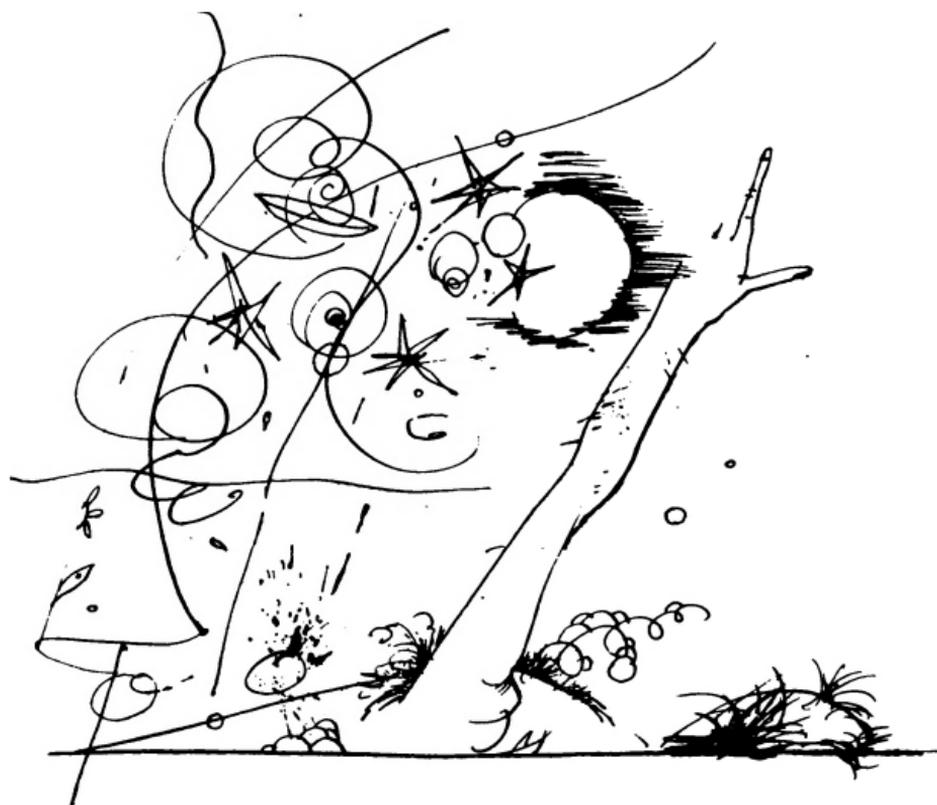
А луне холодок нипочем.
Так и прет с оголенным плечом.

За окном океаны косматы -
(Занавеска дрожит из пластмассы).

И меня пролетающий ангел
Поливает из лунной лоханки,

Звезды сваркой слепят автогенной,
Звезды падают мыльной пеной,

Занавеска как парус над ванной,
А я в ванне блаженный и пьяный.

Блещет осень окалмной
На листе жестяной.
В беспорядке навалены
Облака надо мной.

И деревья вдоль длинного
Пролетают шоссе
В серо-буро-малиновой
Одичалой красе.

В легковом, темно-лаковом
Я носился авто,
Я тоску уволакивал
Километров за сто,

Чтоб все беды и горести
На прогоне сквозном
Горизонтом и скоростью
Заливать как вином.

Ходит ветер задирю,
Лист мелькает, багрян,
И закат спроектирован
На широкий экран.

Листья мажут и кружатся,
И летят, и летят,
И охваченный ужасом,
Я влетаю в закат.

Мы летим вверх тормашками -
И машина, и я,
Грохотаньями тяжкими
Тихину раскрою.

У какой-то обочины
Я смянем стал,
И в куски развороченный
Разлетелся металл.

... Вся дорога осенняя
В красноватом чаду.
Никакого сомнения,
Что уже я в аду.

И в авто темно-лаковом
Я плыву по шоссе,
День и ночь одинаково
Шебуршит в колесе.

И в сидении кожаном,
Погружаю с головой,
Я сижу подытоженный
Как баланс годовой.

Автострада протяжная
Преодо мною легла,
И какие-то важные
У меня есть дела,

А у туч - фиолетовый
Или розовый цвет.
Право, дела до этого
Никакого мне нет.

Непрерывно по радио
Слышу я репортаж.
Непрерывно в досаде я
На осенний пейзаж:

Ну какой же от осени
Человечеству прок?
Только листья разбросаны
У шоссеиных дорог.

Восседаю подтянутый.
Мы такие тут все.
Мы серьезные. Мы заняты.
Мы плывем по шоссе.

Мы солидные личности.
Каждый грузно-суров.
Никакой хаотичности.
Никаких катастроф.

Л. и Г. Ржевским

Ваш дом - он весь в зеленых пасамах,
С лесной чащобой в родстве,
И поднимает солнце насмех
Прореху каждую в листве.

Тут озеро совсем под боком,
И слышно, как из тихих вод
Вдруг щука, вымахнув с подскоком,
В осоке радостно плещет!

А в озере - десятки тысяч
Слепящих солнечных огней...
Закинем, Леонид Денисч,
На двухфунтовых окуней!

Люблю я, удочку забросив,
Почувствовать, как там, весом,
Усатый точно Франц-Иосиф,
Уже барахтается оом!

Уютно тарахтит моторка,
И парит августовский зной,
И наполняется ведерко
Блестящей тварью водяной.

Тут скромно поверяет автор
Свои мечтания стиху
О том, что Ганя сварит chowder,
А по-русийскому - уху.

На меня налетает велосипед,
И водитель осоловело сопит.

Начинается мой коридорный кошмар.
Разрывается рядом резиновый шар.

Точно выбит ударом лихим из седла,
Я лечу, ударяясь об угол стола.

Ах, зачем на пути повстречался моем
Этот вал крепостной, этот рыцарь с копьём?

А вокруг беготня, а вокруг толкотня,
И медведь из-за креола глядит на меня,

Надвигается смех, расстиляется смех,
Смех пушистый и мягкий и теплый как мех.

Здесь проходят по комнатам, как по лесам,
Это сказочный мир - и я сказочный сам.

Это сны мой - трехлетний тиран-феодал -
По квартире игрушки свои раскидал.

Я сегодня прочитал за завтраком:
"Все права сохранены за автором".

Я в отместку тоже буду щедрым -
Все права сохранены за ветром,

За звездой, за Ноевым ковчегом,
За дождем, за прошлогодним снегом.

Автор с общественным весом,
Что за права ты отстаивал?
Право на пулю Дантеса
Или веревку Цветаевой?

Право на общую яму
Было дано Мандельштаму.

Право быть чистым и смелым,
Не отступаться от слов,
Право стоять под расстрелом
Как Николай Гумилев.

Авторов только хватило б,
Ну, а права - как песок.
Право на пулю в затылок,
Право на пулю в висок.

Сколько тончайших оттенков!
Выбор отменный вполне:
Право на яму, на стенку,
Право на крик на стене,

На приговор трибунала,
На эшафот, на терьму,
Право глядеть из подвала
Через решетки во тьму,

Право под стражей томиться,
Право испить клевету,
Жить, как живет Солженицын
С кляпом бессменным во рту!

Вот они - все до единого -
Авторы, - наши права.
Право на пулю Мартынова,
На семицветных слова,

Право как Блок задохнуться,
Как Пастернак умереть.
Эти права нам даются
И сохраняются впредь.

... Все права сохранены за автором.
Будьте трижды прокляты, слова!
Вот он с подбородком к небу задранным
По-есенински осуществил права!

Вот он, современниками съеденный,
У дивана расстелил газетинны,
Револьвер рывком последним сгреб -
И пускает лежа пулю в лоб.

Вот он, удостоенный за книжку
Звания народного врага,
Валится под лагерною вышкой
Доходягой на снега.

Господи, пошли нам долю лучшую,
Только я прошу Тебя сперва:
Не забудь отнять у нас при случае
Авторские страшные права.

АМНИСТИЯ

Еще жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать восьмом.

Вероятно на пенсию вывел.
Живет на покое
И дело привычное бросил.

Ну, а если он умер, -
Наверное жив человек,
Что пред самым расстрелом
Толстой
Проволокою
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.

Верно тоже на пенсию вышел.

А если он умер,
То наверное жив человек,
Что пытал на допросах отца.

Этот, верно, на очень хорошую пенсию вышел.

Может быть, конвоир еще жив,
Что отца выводил на расстрел.

Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.

Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня.

От иштейских толчков
Защищая бока,
Я в биро двойников
Заказал двойника.

Кто-то кнопку нажал
На сигнальной доске,
Розоватый накал
Заснял в волоске,

Замигали огня,
Засветились митки,
Ураган трескотни,
И свистки, и звонки -

Но уже через миг
Улеглась трескотня,
И стоит мой двойник
И глядит на меня.

Тот же нос, тот же рот,
Тот же лоб, та же плешь,
Так же руку дает,
Все движения те ж.

Он пойдет в Институт,
И он сядет за стол,
А студенты придут -
Он поставит им кол.

Он придет домой
Обозлен, раздражен,
И с моею женой
Будет ссориться он.

Будет ездить в метро,
Будет есть, будет пить,
На помойку ведро
Будет он выносить.

Ну, а я между тем
Зажму как пава,
Не печалюсь ничем,
Никуда не спеша.

Я себя охраню
От врагов и друзей,
И я печень мою
Завеваю в музей.

Не оставят на ней
Ни малейших следов
Огорчения дней
И печали годов.

Вышла такая гадость -
Прямо ругаться хочется:
Я позабыл свой адрес.
Забыл свое имя и отчество.

И, озираясь гибло,
Города не узнаю.
Видно вконец отшибло
Бедную память мою.

А может быть, где-то рядом,
Стоит мне сделать шаг -
И за бетонным фасадом
Отыщется мой очаг.

Как памятник на граните -
Величественно мастит -
Порядка стоит блюститель,
И бляха на нем блестит.

И я говорю: "Начальник,
Я в толк никак не возьму..."
Я о делах печальных
Рассказываю ему.

- Нет у меня покоя,
Жив из последних сил
С тех пор как забыл я, кто я,
Как имя свое забыл.

Но не забыл, не забуду
Квартиры моей уют.
Стены ее повсюду
Передо мной встают.

В мевке из красного шелка
Расхаживает жена,
Глиняная на полку
Лампа водружена,

И только войдешь - в гостиной,
Сразу намскосок,
Известнейшая картина -
Копия Пикассо.

Шкаф с дорогим сервизом
По-модному застеклен.
Радио. Телевизор.
Кресло. Магнитофон.

Просьбе моей мгновенно
Блеститель порядка вял:
Ваял - и переднюю стену
Огромного дома снял.

Открылись квартиры-дыры -
И я возопил в тоске:
Глядит из каждой квартиры
Женщина в красном мешке.

Одной и той же картины
Торчит отовсюду кусок!
Свисает из каждой гостиной
Копия Пикассо.

И всюду - сверху и снизу,
Сбоку, со всех сторон -
Радио. Телевизор.
Кресло. Магнитофон.

Я с криком бегу по спальням
От этажа к этажу
И женщинам всем нахально
Прямо в глаза гляжу.

Но всем этим красным теткам
Вовсе я незнаком...
И вот я уже за решеткой
С тяжеловесным замком.

Мена, ты меня не сыщешь -
Будешь искать без конца:
Здесь одиночек тыщи,
Все - одного образца.

Тут каждый из нас на досках
Перед столом сидит.
На каждом - фланель в полоску.
Наголо каждый обрывает.

А вдруг и за гробом тоже
Не свидимся мы с тобой?
Я слышал, что души схожи
С дымкою голубой.

На что мне в безликом дыме
Безликое бытие?
Отдайте мне имя, имя,
Отдайте мне имя мое.

Осень. В воздухе пахнет горелым.
Кто-то листья наверное жжет.
Плыть деревьям - моим каравеллам -
В новый свет, в новый снег, в Новый Год.

Синеватого неба обломки
Колыхаются над головой.
Листья как при замедленной съемке
С веток наземь текут по кривой.

Что ж! нам правду сказали, пожалуй,
Что красна даже смерть на миру.
Покружись, мое сердце, побалуи,
Покрасуйся и сгинь на ветру.

Слышно, как далеко вагонетки
У портовых причалов скрипят.
Вместе с небом качаются ветки.
Лмотозвон. Лмстолет. Лмстопад.

Операционный стол.
Операционный зал.
Лежу совершенно гол.
Кто-то меня связал.

И надо мною ярко
Орудуют два хирурга.

А над халатами, марлей, ватой -
Лампы в три обхвата,
Как световые залпы
Сквозь снеговые Альпы.

И у меня под скальпом
Уже ведется скальпель.

А в операционном зале
Еще нескольких привязали.

Ампутация памяти.
За пластом удаляют пласт.
Говорят, что в душевном орнаменте
Память - ненужный балласт.

И хозяйничая после
В опустелых черепах -
Насуют идей о пользе
Разведенья черепах!

Возвращусь я из больницы -
Черепашка мне приснится!

Был когда-то Микеланджело.
(Вырезали. Зажило).
Пушкин. Бах.
(Зажило, как у собак!)

Мы теперь попахиваем
Супом черепаховым!

До чего же легко мне!
Ни разлук, ни могил!
Целовался с кем - не помню,
Где родился - позабыл.

Никаких душевных трещин!
Безопасен я для женщин:

Ни малейшего риска!
Не умен, не блестящ,
Даже можете в химчистку
Отдавать меня как плащ!

Я теперь живу в комфорте,
Точно взятый напрокат,
Изготовленный в реторте
Человекофабрикат.

РАЗГОВОР ПРОДАВЦА С ПОКУПАТЕЛЕМ

Продавец: Ах, не извольте беспокоиться!
У нас товары все в порядке.
Вот в этой комнате - достоинства,
А в следующей - недостатки.
Направо - страсти, слева - нежности,
А прямо - отделение внешности:
Осанки, выправки, походки, -
Товар необычайно ходкий.
Вверху - неведением и опытом
Торгуем в розницу и оптом;
Внизу - беспутства и бесстыдства,
Там день и ночь народ толпится.
Для тех, кто нажили богатства -
Есть спесь, чтобы другим пугаться,
А кто, к примеру, обанкротясь -
Для тех у нас в запасе кротость.
Вы из какой хотите области?
Вас, может быть, пленяют доблести?
А впрочем, склонны те, кто холосты,
Все больше на предмет веселости?!

Покупатель: Ах, мысль одна меня тиранит!
Чего я только не отдам
За африканский темперамент!
Хочу воздействовать на дам!

Продавец: Мы вам поможем в этом случае.
Мы в отношении темперамента
Вам предоставим наилучшее!
У нас такое есть горячее,
Что будут дамы падать замертво!

- Покупатель:** Уже предвижу перемену,
Отныне мне у дам почет!
За это я люблю цену
Вам заплачу - подайте счет!
- Продавец:** У нас не счет. У нас за счет:
За счет ума, за счет учености,
Изысканности, одаренности,
Известности, незаменимости -
Все это, впрочем, отвлеченности,
В них нет большой необходимости.
- Покупатель:** Ну это как сказать! Хотелось бы,
Чтобы мой ум остался в целости!
Я не согласен и на полчаса
Быть темпераментным оболтусом!
У вас товара столько разного,
И верно есть запасы разума...
И, милый, в виде компенсации
Примите эти ассигнации!...
- Продавец:** Помилуйте, мы рады сами
Снабдить вас прочными мозгами,
Но нас валюта не влечет:
Мы вас умом снабдим за счет
Уюта, удовлетворенности,
Неторопливости, колености,
Финансовой неуязвимости -
Все это, впрочем, отвлеченности,
В них нет большой необходимости.
- Покупатель:** Ну это как сказать! Хотелось бы
Богатство сохранить мне в целости!
Я только ум такой приветствую,
Когда я при уме не бедствую!
Нельзя ль оговорить заранее,
Чтоб мне оставить состояние?
Согласен я на недочет
Других привычек и склонностей!...

Продавец: Богатство мы даем за счет
Отзывчивости, окрыленности,
Задора, искренности дружеской,
Отваги, верности супружеской,
Чистосердечия, терпимости -
Все это, впрочем, отвлеченности, -
В них нет большой необходимости.

Покупатель: Нет, нет, богатство мало ценится,
Когда у вас жена изменница!
Давайте будем откровенны -
Назначьте дьявольские цены!...

Продавец: Давайте будем откровенны:
Откроем вены.

ПЕРЕЕЗД

Переезд! Переезд!
Руки к небу! Скорбный жест!
Вот подъедет грузовик,
По-гомеровски велик,
И могучий скрип осей
Вновь услышит Одиссей.

Переезд! Переезд!
Наш кочевнический крест!
У того грузовика
Сталью крытые бока.
Затреплет моя тахта,
Словно в чреве у кита!
Силачи на страшный суд
Наши вещи понесут!

Переезд, переезд!
Сколько мы сменили мест!
Снова катится фургон
По полям во весь разгон!
Автострада, акведук,
О сундук гремит сундук,
О кровать гремит кровать.
Наше дело - кочевать.

Переезд, переезд!
Бог не выдаст, страх не съест!
Горы полок, связки книг
Затолкали в грузовик,
В грузовик отнесены
Все картины со стены!
И уже в квартиру ту
Напустили пустоту.

Сколько езжено - переезжено!
Кто подвою в Рим из Нежина,

Кто с Соломенки - да в Салоники
Под залиvistый плач гармоники,

Кто - в игорную Калифорнию,
В море Черное ночью черною,

А иной, весь век свой валандавшись,
То в Голландию, то в Лос-Анджелес!

Сколько мыкано-перемыкано,
В карты всякие пальцем тыкано,

Сколько охано-переохано,
По чужим шоссе верст отгрохано!

То по небу я лечу,
То по морю плаваю.
Может - славы я хочу
И гонюсь за славой?

То я в поезде качу,
То трясусь с телегою.
Может - счастья я хочу
И за счастьем бегая?

Я баранку кручу,
Я педали тискаю...
Может - денег я хочу,
За деньгами рыскаю?

Эх колеса-вертушки,
Нескончаемый гул!
Может просто из пушки
Кто-то нами пальнул!

Кто же рельсовым гулом
Душу нам порастряю?
Что же нас подхлестнуло,
Что подбросило нас?

Что за чудная сила
Подняла, понесла,
Будто в спину забила
Два проклятых крыла?

- То, что в небе высоком,
В стороне голубой
Было греческим роком -
Стало русской судьбой.

Переезд, переезд,
Как еще не надоест!
Справа поле, слева поле,
И маячит в поле шест.

Переезд, переезд.
Город. Здание. Подъезд.
Входим в новую квартиру,
Будто взяты под арест.

Переезд, переезд.
Вот и ночь уже окрест,
И летят, летят в пространство
Звезды, сорванные с мест.

Может быть - мучение,
Может быть - прощание -
Для волны - свечение,
Для звезды - качание.

Месяца горение
Над леском проселочным
Дереву ранением
Кажется осколочным.

Может быть для гения
Означает творчество
Судорогу жения,
От которой корчатся.

Может, наказания
Мера наимысшая -
Не четвертование,
А четверостишие.

Все на свете мучится,
Что красой светится;
Этим свет и крутится,
Этим свет и вертится.

ДРАКОН НА КРЫШЕ

**В новогодние сугробы
Город празднично влезал.
С верхотуры небоскреба
Грохал аэровокзал.**

**Там стрекочут вертолеты
Дни и ночи напролет,
Поднимаются в высоты,
Опускаются с высот.
И оттуда пассажир
Улетает в звездный мир.**

**Старт без всяких разворотов
Прямо к звездам обращен.
Там двенадцать вертолетов,
А тринадцатый - дракон.**

**Он уселся на карниз
И поплевывает вниз.**

На драконе чешуя,
Он в буграх и ямах...
Вам открою душу я -
А дракон на крыше - я!

Горькой жизнью умудренный,
Я, как Гофмана герой,
Навсегда ушел в драконы!
Я за них стою горой!

Я вчера девченку сгреб,
С нею шасть на небоскреб!

Там, в заоблачном Нью-Йорке
Скрыто логово мое...
А что есть святой Георгий -
Все вранье! Все вранье!

У меня горит пещера,
Черным светом залита!
У меня клубами сера
Из рта, из рта!

Дым столбом стоит от оргий
У меня, у меня!
А что есть овятой Георгий -
Болтовня! Болтовня!

Я люблю девчонок хрупких -
Поутру, поутру
Я их прямо в мини-юбках
Так и кру! Так и кру!

Что касается съестного -
Я удал-разудал!
Никогда того святого
Не слышал, не видал...

Вот сейчас взмахну крылами -
Отходи поскорей!
На три метра свищет пламя
Из ноздрей, из ноздрей!

У святого - ни копыя!
Не купить ему копыя,
Не достать ему коня,
Не догнать ему меня!

Я сейчас снимуоь со старта -
Улетаю в Бамбург:
Там на конкурсе поп-арта
Заседаю я в жюри.

Что святой? О нем ни слуха.
Не святой, а звук пустой.
Показуха! Показуха -
Ваш святой! Ваш святой!

Тьфу!

Наша улица покато
Опускается к реке.
На дворе у нас закаты
Застревают в тупике.

И когда в вечернем гуде
Над водой мосты летят -
Птицы, здания и люди -
Все кидаются в закат.

А в окошке у соседа
Где-то рядом надо мной -
Поставщик ночного бреда,
Мастер боли головной -

Сотрясается приемник
С лязгом всех своих частей
От испанских неуемных
Раздирательных страстей.

В долгожданную нирвану
Уплываю наугад,
Вместе с городом я кану,
Вместе с птицами в закат,

Вместе с пестрым и гортанным
Населеньем этих стен,
Вместе с доном Эстебаном,
С сеньоритою Кармен,

Чтоб до самого рассвета
Надо мною звезды шли,
Я под красной тучей где-то
Завалюсь за край земли.

И направо и налево
Улыбался без конца.
И дошло до перегрева
Главных мускулов лица.

Наступил в лице затор,
Мускулы как связаны.
Мне улыбки с этих пор
Противопоказаны.

Люди стали порицать,
Что улыбка в ширь лица
Не рас-тя-ги-ва-е-тся
И не получается!

Без улыбки мне нельзя
Выходить из дому.
Заказал улыбку я
Нашему портному.

И последнюю с лица
Снял и дал для образца.

А портной мой невпопад
Возьми и окачурься!
Улыбку требую назад,
А мне родные говорят,
Что они не в курсе.

От таких событий тошных
Я совсем затосковал,
Но улыбку мне художник
На лице нарисовал.

Та улыбка - неземная,
До ушей распялен рот,
И с лица я не снимаю
Ту улыбку круглый год.

Обвораживаю всех.
Вежлив. Безупречен.
Мне поэтому успех
Всюду обеспечен.

Листьев взвинченный полет.
Сырость, слякоть, полумрак.
Этим я из года в год
Восхищаюсь как дурак.

Ветры в улицах трубят,
Сумасшедший акробат
Над ареной асфальта
Крутит траурное сальто.

И кричат ему "ура"
Сотни рыжих у ковра.

Я и сам такой точь в точь,
Так смотри же - не промахь.
До щечки я охоч,
У меня такая блажь.

Я везде сую свой нос,
Я повсюду тут как тут,
Рыжих в шутку и всерьез
По лицу за это бьют.

Но я все-таки артист,
Хоть слышу я дураком
И лечу как желтый лист
По ареме кувырком.

Знать в такой уж переплет
Мы попали, милый друг.
Что нам осень пропоет
В золотую ночь разлук?

Пропоет, что дождь прошел,
И что он пройдет опять,
Что нам будет хорошо
Под гитару умирать,

Что летим мы на магнит,
Что нас тянет даль и ширь,
Что сосульками звенит
Серебристая Сибирь.

Идет замедленный человек,
Угасающий человек.
Он мается целый век,
Пугается целый век.

Сорок костюмов снашивает,
Семьдесят пар башмаков,
Счастье выпрашивает
У лошадиных подков.

Едва он на свет явлен,
Совсем еще мал, гол -
А уже на него составлен
Первый протокол.

Еще он роста цыплячьего, -
Розовощекий комочек, -
А что-то уже втолкмачивает
В него педагог-начетчик.

А выйдет в путь человекий,
Шагнет за порог - и глядь -
Уже государство на плечи
Ему навалило кладь!

И только какая-то женщина,
Говорившая вычурно,
Как гайка была безупречно
К нему привинчена.

Да умерла намедни.
Он называл ее Глашей.
И вот он идет замедленный,
Идет погасший.

Я сначала зашел в гардероб
Перед тем как направиться в зал.
Сдал на время мой крест и мой гроб,
И мой плащ, и кашне мое сдал.

Потолкался в театре ночном,
Где хрустальная люстра плыла,
Где в толпе в амплуа я одним,
А на сцене - в другом амплуа.

Но со мною - вечерний прибор
И закатного солнца струя.
Неприменно в театры с собой
Приношу декорации я.

Я недаром привесил звезду
К девятнадцатому этажу.
Вот сидишь ты в переднем ряду,
А я в синем луче прохожу.

Сквозь меня он как нитка продет,
И в луче я почти неживой.
И wpłyвает ньюйоркский рассвет
Прямо в белую ночь над Невой.

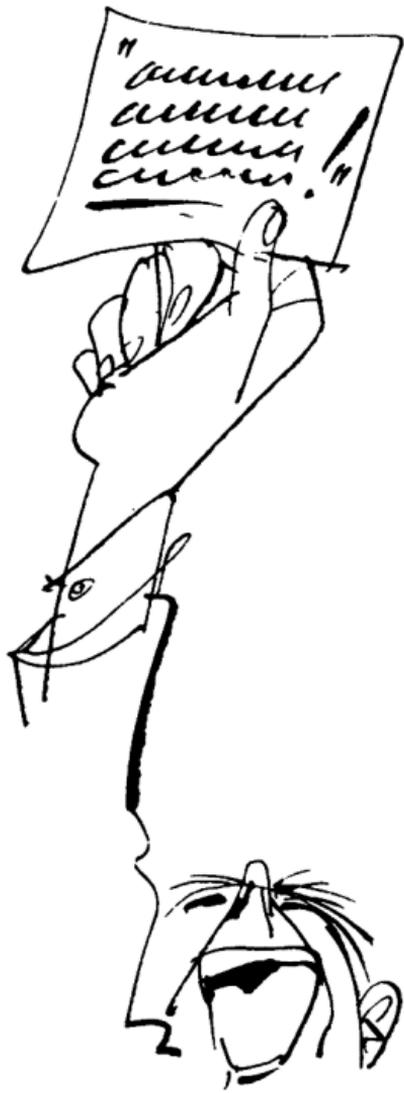
Но не идут уже больше друзья
Там, где времени ветер прошел.
Потому и к созвездиям я
Обращаюсь как в адресный стол.

Да немного узнаешь у звезд -
Только стужа вверху голосит,
И опущенный в прошлое мост
Над рекою забвенья висит.

ГИМН ЦИТАТЕ

Где-то, о чем-то обмолвился гений когда-то - цитата.
Не прикасайтесь! Тут все непорочно и свято - цитата!
Лупят друг друга противники фразой сжатой - цитатой!
Дурень вызывает некстати и кстати - к цитате!
Старый догматик на карточке снятый - с цитатой!
Приспособленец сползает по скату - в цитату!
А краснобай обзавелся богатой - цитатой!
А ловкачу раздобыли по блату - цитату!
А клеветник прицепился в печати - к цитате!
Господа молит начетчик: обрадуй - цитатой,
Дай всеобъемлющую по охвату - цитату!
Речь болтуна потрясают раскаты - цитаты!
Склочник вызывает, крича благим матом - к цитатам!
Умники сплошь начинают трактаты - с цитаты!

Публику лектор томит сто тридцатой -	цитатой!
Чтоб возбудить уваженье в дитяти -	к цитате
В лагере день начинает волатый -	цитатой!
Кто-то бормочет - назад, как в тридцатом,	к цитатам
И растекается в витиеватых	цитатах!
Скучный оратор кладет как заплаты -	цитаты!
Дочку назвал компилятор завзятый -	Цитатой!
... Раз укротитель водки по Арбату -	цитату!

Стоит у дома букиниот.

- Прохожий, в книги окунь!

- Для всех служителей кокуства

Удешевленно продается

"Путеводитель по беспутству"

И "Руководство по сирототву".

- Вот "Алфавитный указатель

Нас возвышающих обманов".

(Хватает книгу покупатель,

На цену даже и не глянув!)

- Вам нравится изящный слог?

Вам слыть поэтом очень хочется?

Вот вам "Бессонниц каталог"

И "Справочник по одиночеству".

- Заглядывайте чаще, братец,

В "Словарь нелепиц и невнятиц".

- Недавно издана опять

Для тех, кто незнаком с предметом,

Статья "Наука погибать,

Или как сделаться поэтом".

- Берите! Невелик расход!
А приложенья не хотите ль?
"Самоубийство как исход", -
Прекраснейший самоучитель.

- "От литераторских подмостков
До Литераторских мостков" -
Ряд драматических и хлестких
Биографических набросков,
Пособие для новичков.

- Там даже критику найдете,
Читайте все статьи подряд:
Статью "Поэт на эшафоте",
Статью "Поэт-лауреат".

- И наконец - совет прощальный:
Читайте пристальной, поэт,
В "Энциклопедии журнальной"
"Классификацию клевет".

По земле шатаюсь я давно,
И везде вожу с собой окно.

Хоть люблю я в жизни перемену,
Но окно всегда вставляю в стену.

Приглашаю я в окно закат.
Птицы пусть в окне моем летят.

Ветку на окно мое кладу,
Рядом сбоку вешаю звезду.

Или, чтоб увидел целый свет,
Создаю ночной автопортрет, -

В раме, за стеклом, стою в окне,
Свет фонарный шастает по мне.

Пусть стоит вселенная вверх дном,
Мне не страшно за моим окном!

Я поеду в городок морской,
Я мое окно возьму с собой

И у волн поставлю непременно,
Пусть окно окатывает пена,

Пусть там волны ходят ходуном,
Хорошо мне за моим окном!

Я от океана отделен,
В раме океан, и застеклен!

Каждым утром, сразу после сна,
Я выбрасываюсь из окна

И лечу на камни мостовой
В мир невыносимо-деловой.

Анатолию Сапронову

Как только на шахматы брошу я взгляд,
Всегда загораюсь веселым огнем:
Готовые к бою фигуры стоят,
И каждая пешка на поле своем.

Как в жизни - расписано все по ролям,
У всех свое место, и всем свой черед.
И можно назад отступать королям,
Но пешки идти могут только вперед.

Мой день, моя ночь еще крепко стоят,
Как белый квадрат и как черный квадрат.

Я тоже на шахматном поле стою,
Я тоже игру защищаю мою,

Еще мое сердце стучит и стучит
На стыке маневров, атак и защит!

Но с поля когда-нибудь снимут меня
Каким-нибудь каверзным ходом коня

За то, что я, силы своей не жалев,
Кидался по следу чужих королев,

За то, что с позиций, разгромленных вдрыг,
Я шел на предсмертный, восторженный риск!

За то, что сыграть не умел я в ничью, -
За все это гибелью я заплачу!

Навстречу мне - вражеских пешек навал,
И вот он, король мой, на смертном одре...
Но если я даже игру проиграл,
Я все же участвовал в этой игре!

Хоть возьми и с тоски угробься,
Чтоб конец положить опекам.
Колоссальнейшее неудобство:
Оказался я человеком!

Я от нежных забот правительства
Как суконный пиджак повытерся.

Не живи, а всю жизнь готовься
К торжествам олимпийским неким.
Колоссальнейшее неудобство:
Оказался я человеком!

Оказался таким нелепым:
За мечтой волочусь прицепом.

Пирамидищею Хеопса
Шла волна над моим ковчегом.
Колоссальнейшее неудобство:
Оказался я человеком!

По субботам с женой и сыном
Проплываю по магазинам.

С панталыку я сбился вовсе!
Ни звезды над моим ночлегом.
Колоссальнейшее неудобство:
Оказался я человеком!

А во сне я как в звездопаде:
Звезды спереди, звезды сзади!

Неудобство, что человеком,
Человеком я оказался,
Кривосабельным печенегом
В мою полночь кошмар врубался!

Колоссальнейшее неудобство
Человеком быть, а не мопсом!
Ну, а я так в квадрате влопался, -
Быть поэтом - сверхнеудобство!

Говорят, что поэт - поет,
Да не верю я фразам дутым.
Говорю, что поэт - полет
С нераскрывшимся парашютом.

Вечера ненастные.
Ветры неутешные.
Парни коренастые
Бомбами увешаны.

Потрясают автоматом,
Предъявляют ультиматум!

Кто тут против?
Кто тут за?
Дымятся из темных ободьев
У атамана глаза.

И брякает он фразу
Басом допотопным:
- Если против - сразу
Тут же вас и шлепнем!

Если с нами солидарны,
Выражаем похвалу,
Но ухлопают вас парни,
Что стоят на том углу!

Кто-то голосом корявым
Добавляет в простоте:
- Нейтралистов мы дырявим,
И дырявят парни те!

В доказательство потряс
Он ручной гранатой...
Современники! У нас
Выбор пребогатый!

Ученый умно втолковывает,
Где точка, а где тире.
А поэт сидит и приковывает
Петуха к заре.

Что точка в земном пути?
Жить от нее не легче.
А у поэта, как ни крути,
Певчий петух.
Певчий.

Поэт облюбует площадь,
Солнцем ее полощет.
Тут ведает всем булыжник
И голубь - его сподвижник.

А ночью, как на параде,
Поэт красоваться рад,
И у поэта во взгляде
Уличный звездопад.

Слышен ветра окрик.
Ветер-хореограф
Пляшущих огней,
Скачущих теней.

Уже серебрятся
Огни на мостах,
Уже декорации
Все на местах,

И в светопаде и в блестках
Поэт стоит на подмостках.

И, начиная кидаться
В прожекторную струю,
Поэт в своих декорациях
Ставит драму свою.

И встает метеором
В световом ореоле
Та - которая
В главной роли.

В небе первоизданном
Техникой наплывной
Лицо ее крупным планом
Ложится на город ночной.

Он глянет наверх -
И гибнет заранее.
Он - человек,
А она - сияние.

Пытается он втереться
В мерцающее соседство.

Но со своею тяжестью
И с крижистой тенью,
Никак он не развяжется
С законом тяготенья.

Ему - расстояние,
Ему - отречение.
А ей - сияние,
А ей - свечение.

И, обдавая сиянием,
Она проплывает над зданием,

А он соскользнувшим лучом
Закалывается как мечом,

И на своей арене,
На перекрестке ночном
Истекает стихотвореньем -
Светящимся красным пятном.

Дом мой любит сотрясаться
Звоном рюмок и посуд.
А пройдет еще лет двадцать -
Дом наверное снесут.

Да и сам я вместе с домом
Стану чем-то невесомым,
Чем-то странным: я не я,
А воспоминания.

Но меня не зачихнут
В фотографии квадрат:
В каждой из моих минут
Я остался как заряд.

Где-то спрятан, говорят,
Времени волшебный ящик:
Миги-наизы-вау-щий аппа-рат,
Жизне-записы-вау-щий аппа-рат,
Жизне-вос-про-изво-дящий!

В аккуратной упаковке
Мигов, месяцев, годов -
Там лежат мои ночевки,
Слышен шум моих садов,

Все расчеты, все просчеты,
Все фортуны повороты,
Жизнь, которая прошла,
Сердца темные заботы,
Будней колкие дела.

Только ручку крутани -
Получай их: вот они!

Остановлено мгновенье!
И тебе возвращено
То, что кануло в забвенье,
Унеслось давным-давно...

Только незачем без толку
В вечность паяться как в шелку:

Без конца она и краю,
Что ей день и что ей год!
То, что с мигом я теряю,
То мне вечность не вернет.

В осеннем сквере все чин-чином:
Бродяга на скамейке пьян,
И как хрусталь с бенедиктином
На солнце светится каштан.

Стою беспомощно-осенний,
Совсем рассеянный чудак,
И от осенних невезений
В душе и в мыслях кавардак.

Бредут влюбленные по скверу,
По листьям, как по янтарю,
А я шотландскому терьеру
О смысле жизни говорю.

Старцев шокируя,
Странны как в книгах,
Мчатся валькирии
В легких туниках.

Волосы ливнем
По шеям и спинам -
Ливнем призывным,
Ливнем звериным.

Юность в разгуле!
Юность в раскате!
В сумке - пиллжи
Против зачатий.

Что же! гремите
Звонами плоти -
Юность в зените!
Юность в полете!

Юность на гребне!
Жизнь на подхвате!
Танец волшебный
В кровать из кровати!

Автомобиль
Лакированный
Зов протрубил
Любовный.

Справа и слева -
Здания, здания.
Где ж оно - древо,
Древо познания?

Нового стиля
Грехопадение -
В автомобиле
На заднем сидении.

Вот где любили
До обалдения!

Не до Валгаллы
Этим Брунгильдам:
Им бы с нахалом,
С каким-нибудь дылдой
В автомобиле
На темной дороге...

Были да спяли
Грозные боги.

Лист, качаясь, напылался
До шафранно-красных жил
И по правилам баланса
По спирали закружил.

Вот он тонкий, вот он ломкий,
И как мумия он сух,
И уже по всей каемке
Он свернулся и похух.

Лунный луч, на ветки брызни!
Старый лист, лети ко мне!
Мы с тобой в книге жизни
На расходной стороне.

Отпылав и отработав,
Будем падать вкривь и вкось.
Для бухгалтерских расчетов
Важно, чтобы все сошлось.

Если стал уже каленым,
До густых дошел кровей -
То согласно всем законам
Должен шлепнуться с ветвей!

Вот и небо стало мглистым,
И темнеть грозитя впредь.
Остается мне со свистом
Над землею пролететь.

Женщина в блеске свечей
Сидит, опершись на локоть.
Это из тех вещей,
Которые хочется трогать.

Казалось, чего уж проще -
Также и у моллюска.
А тронешь - на ощупь
Под блузкой -
Музыка
Каждый мускул.

Глаза в нее погружаю
И чувствую, что дурею.
Меня заряжает
Как батарею.

Многие мне страны
Были в пути обещаны,
И все-таки самой странной
Страною была женщина.

То мит миражем
В пустыне,
Пока не ляжем
И не остынем

В ее трясине,
В ее болоте,
В низинах
Ее плоти.

Бряцающие рифмами орясины!
Печалитесь вы часто из-за осени.
А осень разудалым Стенькой Разиным
Плывет куда-то в струге многовесельном.

Гогочет ветер, где-то близко рыская,
Как будто в наши спутники назначенный,
И лист мелькает, как княжна персидская,
В глаза кидаясь пестрой азиатчиной.

А дуб стоит в своей короткой кожанке
Чуть загулявшим ветераном осени.
Мне весело, как в мастерской художника,
Где все картины красочно разбросаны.

Налей себе вина разгульной осени
И чарку до последней капли высоси:
Она из сердца вынет все занозины
И разрешит твои любые кризисы.

Прогуливаюсь, празднично утешенный,
По всем дорогам осени взъерошенной,
А ночью у меня луна подвешена
Перед окном огромною горошиной.

И ночь идет скрипящая и хлесткая,
И кажется - луна в окне расплавлена.
А утром неба синева матросская
Уходит в вечность, как уходят в плаванье.

Я эмигрировал на озеро,
В столпотворение берез.
На край земли меня забросило,
А на какой - не разберешь.

Весь день сижу на лодке с удочкой,
В воде качаю небосвод.
Я эмигрировал из будничных
Занятий, помыслов, забот.

Тут у меня медведь в наместниках!
Я восхитительно уплыл
От телевизорных наездников,
От их фасонистых кобыл,

Уплыл от телефонных взломщиков,
От радиопроповедей.
Вверху над рощей - месяц ломтиком,
И ломтик лодки на воде.

Покачивают ветки гнутые
Березы над водой седой,
А я с тенями ветки путаю,
И небо путаю с водой.

И я сливаюсь с тенью лодочной,
Замазан сумерками сплошь.
И на воде почти что тсчечный.
И не старайся - не найдешь.

Сколотил ты свой угольный рай
До последнего гвоздика.
А теперь - то и знай - повторяй:
- Загрязнение воздуха!

Загрязнение воздуха! Что ж
Горевать из-за этого?
По вечерней дороге идешь -
А она фиолетова.

Вся в дыму, вся в бензинных парах,
В ядовитой лиловости.
В страх бросает? (А разве не страх -
Загрязнение совести?)

Говорите, что хуже нет бед,
Что от дыма завянете.
Это - вред? (Ну, а разве не вред -
Загрязнение памяти?)

О как счастливы мы, ухитрясь
Защититься от копоты.
Это - грязь? (Ну, а разве не грязь
В нашем жизненном опыте?)

Ах, как сажа летит по дворам
И по стенам размазана.
Это - срам? (Ну, а разве не срам -
Загрязнение разума?)

Загрязнил ты все то, что тебе
Было Богом даровано -
И кричишь, что к фабричной трубе
Приближаться рискованно!

И кричишь, что над городом чад
Как пятно надо вывести -
И молчишь, там где жизни влачат
В испарениях лживости!

Сколько дымы на нас ни ползут, -
Потруднее управиться
С загрязнением скорбных минут,
С загрязнением праздника.

Пострашнее, чем дыма слои
И фабричного замызга -
Загрязнение вымысла и
Загрязнение замысла.

Но кричим мы весь день впопыхах,
Повторяем без роздыха:
- Загрязнение воздуха! Ах!
Загрязнение воздуха!

Мне хочется поговорить о ветке,
Которую я полюбил навеки.

Мне хочется поговорить о ветке,
О ветхости, о ветоши, о ветре.

Мне хочется поговорить о ветке,
О как в окно ее удары вески!

Поговорить о синеве заветной,
Поговорить о синеве за веткой!

О ветке, что зеленым оборванцем
В мое окно так любит забираться,

О ветке, что советуется с ветром
О самом тайном и о самом светлом.

И осенью я очарован веткой,
Ее листвою с тигровою расцветкой,

Как будто под окно привел ноябрь
Костры и тигров и цыганский табор!

Но скоро вся листва уходит в отпуск,
Оставив только ветку, только подпись.

Я говорить хочу о ветке зимней,
О ветке, снеге, их любви взаимной,

О их любви взаимной, несусветной,
О как интимно снег слепился с веткой!

Я знаю их веселые повадки
Обледенев, позвякивать на Святки.

Когда-нибудь любви своей экзамен
Они сдадут весенними слезами.

Всегда откуда-то берется
Какое-нибудь сумасбродство.

Всегда откуда-то берутся
Какие-нибудь безрассудства.

Какая-нибудь околёсица
Бог знает как в стихи заносится,

И оголтелая нескладица
Бог знает как в стихи поведится.

Глядишь - и рифмами украсится
Какая-нибудь несурзаица.

За мною числится бессмыслица,
Нелепица за мною числится,

За мною значится невнятица,
За мною путаница значится.

В моем хозяйстве неурядица,
Хозяйство как попало тратится,

Вослед за словом слово катится, -
Разноголосица, сумятица.

Стихи - пустяк, стихи - безделица,
Стихи без всякой цели мелятся,

Пока кормилица-поилица -
Моя чернильница не выльется,

Послед за словом слово гонится...
Зарница - звонница - бессонница.

Наверное появится заметка,
А может быть и целая статья,
В которой обстоятельно и метко
Определят, чем занимался я.

Какие человечеству услуги
Я оказал. В чем был велик, в чем мал.
Какие в гроб свели меня недуги,
Какой меня священник отпевал.

Цитаты к биографии привяжут,
Научно проследят за пядью пядь.
А как я видел небо - не расскажут,
Я сам не мог об этом рассказать.

Кто передаст температуру тела,
Которую я чувствую сейчас?
Ведь никому нет никакого дела
До рук моих, до губ моих, до глаз.

Я в каждое мое стихотворенье
Укладывал, по мере сил своих,
Мое дыханье и сердцебиенье,
Чтоб за меня дышал и жил мой стих.

Залезаю в коробку железную,
Нажимаю кнопку полезную
И поднимаюсь над бездною!

И вот я в каменном
Фамильном гнезде
Готовлюсь к экзаменам
По автомобильной езде.

Готовлюсь у стенки
С квадратным вырезом,
Где небо оттенка
Ириса,
Посередине с Сириусом.

Строится где-то, строится где-то
Дом для меня, дом для меня.
Там за углом, за углом света,
Там за углом, за углом дня.

Помню я дерево у плетня
В самом центре тихого лета.
Дерево это, дерево это
Там за углом, за углом света,
Там за углом, за углом дня.

Был когда-то друг у меня,
Где он - спроси у ветра ответа.
Свидимся где-то, обнимемся где-то
Там за углом, за углом света,
Там за углом, за углом дня.

Праздность моя, звездность моя,
Жизнь без расчета, жизнь без запрета -
В небе ты канула словно комета
Там за углом, за углом света,
Там за углом, за углом дня.

Только зубы покрепче стисни -
Выстроим дом, выстроим дом
Там за углом, за углом жизни,
Там за углом, там за углом.

По жолобку на потолке
Проскальзывает занавес.
А врач в халате, в колпаке,
Качается невдалеке,
Как будто из тумана весь.

По комнате туда-сюда
Плывет сестрица-рыбица,
А у врача-то борода
Как водоросли дыбится!

И начинается возня:
Надвинулись халатами,
Чтобы наверх тащить меня
Цепями и канатами.

А я лежу на самом дне,
На самом дне беспамятства,
А доктор что-то в ухо мне
Рычит тартарарамисто!

Меня, наверно, воскресят.
Случаются ведь странности.
И к человечеству назад
Препроводят в сохранности.

Я снова стану сгустком чувств,
Я снова стану хищником,
Я снова жадно восхищусь
Каким-нибудь бульжником!

Иль облупившейся стеной
С какой-нибудь царапиной,
Иль в дождь дорогою ночной,
Закапанной, заляпанной.

СОДЕРЖАНИЕ

Сурово и важно	5
Ответ	9
Пробивают в асфальте дыру	12
Море упрашивало: "Папа, Папа..."	13
На луне ни звука	14
Со дна	17
Вы говорите, якобы	22
Гимн цензору	25
В тяжелых звездах ночь идет	28
Обернемся на минуту	29
Гимн цензуре	31
Я прыгнул из окна	35
Я стою под березой двадцатого века	39
Мы далеки от трагичности	40
Всем и каждому у нас одна дорожка	41
Гости понаехали	42
На скамейке без подстилки	44
Брошу в церковь динамит	45
На проспекте сносят дом	47
Современная баллада	51
Проходил я через зал, через зал	54
Чучелом в огороде	56
У памятника Маяковскому	59
Гринвич виллидж, 1970	61
Занавеска над ванной как парус	63
Блещет осень окаймной	67
Ваш дом - он весь в зеленых пасмах	70
На меня налетает велосипед	72
Я сегодня прочитал за завтраком	73
Амнистия	76
От китайских толчков	78
Вышла такая гадость	80
Осень. В воздухе пахнет горелым	84
Операционный стол	87
Разговор продавца с покупателем	90
Переезд	93
Может быть - мучение	97
Дракон на крыше	98
Наша улица покато	103
Я направо и налево	105
Лмстьев взмученный полет	107
Идет замедленный человек	109
Я сначала зашел в гардероб	111
Гимн цитате	113
Стоит у дома букмист	117
По земле шатаюсь я давно	119
Как только на шахматы брошу я взгляд	121
Хоть возьми и о тоске угробишься	123
Вечера ненастные	125
Ученый умно втолковывает	127

Дом мой любит сотрясаться	130
В осеннем сквере все чин-чином	134
Старцев шокрую	135
Имст, качаясь, напыляю	137
Женщина в блеске свечей	139
Бряцающие рифмами орясны	141
Я эмигрировал на озеро	143
Сколотил ты свой угольный рай	147
Мне хочется поговорить о ветке	149
Всегда откуда-то берется	151
Наверное появится заметка	153
Залезав в коробку железную	154
Строится где-то, строится где-то	155
По молобку на потолке	156